

Кира Легран

A detailed illustration of a woman in a green dress and apron holding a large sack of potatoes, standing next to a man in a blue patterned coat. They are in a medieval-style town at night, with glowing green magical energy around them. A large black cat with yellow eyes is in the foreground.

Картофельный рай
госпожи Риты

Кира Легран

Картофельный рай госпожи Риты

«Литнет»

2025

Легран К.

Картофельный рай госпожи Риты / К. Легран — «Литнет», 2025

Что можно сделать, имея лишь мешок картошки? Меня оклеветали, обделили с платой за 15 лет верной службы и выставили из дома. Казалось бы, всё кончено. Но случайная встреча и природная любовь к жизни не дают опустить руки. Я всем докажу, что картошка — это не только вкусный продукт, но и основа прибыльного дела! И никто не сможет мне помешать: ни завистники, ни бандиты. Ни даже вредина-маг с самыми красивыми глазами на свете. В тексте есть: — кот-не-совсем-кот; — уют, юмор и приключения; — кулинарные секреты для реальной жизни; — бонусные главы с рецептами! Однотомник, счастливый конец.

© Легран К., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1: Золотистый король	5
Глава 2: Путеводная картошка	8
Глава 3: Сезон чудес	11
Глава 4: Два слова, о которых мечтает женщина	14
Глава 5: Один ремонт как два пожара	16
Глава 6: Как корабль назовёшь	20
Глава 7: Счастье пахнет супом	24
Глава 8: Один в поле не повар	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Глава 1: Золотистый король

Каждая необычная история начинается с самого обычного утра, в которое ничто не предвещало катастрофы.
 — Рита! — Паскаль влетел на кухню как разъярённый бык. — Ты что наделала?
 Я обернулась от плиты, где под крышкой пыхтело моё знаменитое рагу. Даже воздух казался съедобным от запаха мяса, чеснока и трав, так бы и укусила!
 — О чём ты? — удивлённо спросила я, помешивая за жарку для супа на другой сковороде. — И хватит кричать на моей кухне, тесто осядет.
 Паскаль шестой год был стряпчим нашего хозяина и никогда ещё на меня не орал. Тем более сейчас, когда из рядовой кухарки я доросла до места старшей.
 На пороге уже толпились остальные служащие поместья: испуганная Мария, Рикко... и Карла. Разумеется, Карла, куда ж без этой вертихвостки. Её глаза блестели так, будто она только что выиграла в королевскую лотерею. А ведь как в воду опущенная ходила с тех пор, как меня заменой старой Элене назначили. Тоже в старшие метила, да куда там — молодая пигалица ещё, зайца от курятины не отличает, потрошит так, что за ней переделывают. Если б не её шашни с управляющим, давно бы рассчитали. Руки кривые, зато гонору на троих.
 — Дон Альваро провёл ревизию, — сообщил Паскаль, тяжело отдуваясь. Бежал он сюда, что ли?
 — Это всё она! — Карла указала на меня драматическим жестом. — Я видела, как она прятала продукты и к себе тащила!
 — Что?! — опешила я. — Что ты несёшь, паршивка, ты в чём меня обвиняешь тут?
 — Отпираешься? — угрожающе спросил Паскаль, доставая из-за спины... Узелок из моей комнаты.
 В нём лежали три больших яблока. Плотные, с глянцем, так и просятся похрустеть. Лучше не придумаешь, чтоб узорно кожуру надрезать и к поросётам выложить.
 В толкучке пронеслись возмущённые шепотки. Я посмотрела на знакомые лица — те самые, с которыми мы все горести и радости делили столько лет... Не все смотрели на меня, как на чужую, но их оказалось гораздо больше, чем можно было представить ещё вчера.
 — Так это ж я специально отобрала, чтоб на пирог не пустили! — попыталась объяснить я. — Тут зевнёшь, уже покрошили всё. Смотри, какие они большие, ни единого пятнышка — как раз на стол к визиту доньи Тересы бы пошли!
 — Хватит лгать! — рявкнул Паскаль. — Будто в яблоках дело! Мы проверили кладовую. Там недостачи на двести реалов!
 Я так и села.
 — Как на двести?.. Да я же никогда, ничего... Ни единой крошки мимо кухни не пронесла!
 Мария отвела глаза. Рикко вдруг очень заинтересовался своим рукавом. А Карла... Карла сияла улыбкой во все зубы.
 — Дон Альваро ждёт тебя в гостиной, — холодно ответил Паскаль. — Но могу сказать заранее, к вечеру тебя здесь быть не должно.
 Сердце закололо.
 — Но я невиновна! Почему ты не веришь, почему все отворачиваются? Мария! Иди сюда, Мария! Помнишь, как малыш Карлито расплескал кувшин масла? Я же и тогда не утаила, из своих кровных заплатила.
 Мария таращилась на меня, растерянно хлопая ресницами.
 — Почему? Потому что мы нашли это под твоей кроватью! — Карла помахала пустым мешком. — Со следами муки внутри.
 Голова закружилась. Я прижала руки к вискам. Вчера управляющий внезапно расщедрился на милость, вызвался матрац с подушками занести с улицы, где сушились. А я-то голову ломала, что это с ним за чудо приключилось... Ещё радовалась, дурёха, что спину надрывать не пришлось.
 Дон Альваро всегда был человеком резким, как хлыст. Если уж решил, то рассусоливать не будет. Я только вышла к нему, гадая, как бы половчее всё объяснить, а он уже швырнул мне бумагу:
 — Убирайся из моего поместья. Расчёта деньгами не будет, вычли убыток от тебя. А раз так нравится продукты таскать, остаток ими и получишь.
 — Пятнадцать лет, — голос дрожал, — пятнадцать лет я служила вам верой и правдой, готовила, как для семьи родной. Дон Альваро, неужто одного навета хватит, чтобы вы меня выгнали? Мне и идти-то некуда, угла нет, чтоб голову приткнуть.
 — Доказательства весят больше слов, — отрезал он, шевеля чёрными усами. — И меня не волнует, что с тобой будет. Ты

предала меня, презрела то добро, что для тебя сделали. Ступай, пока собак не спустили! И чтоб не вздумала в кладовые заходить, поняла меня? Расчёт на дворе спросишь.
 — Это всё? — спросила я. Горло стиснуло от обиды.
 Дон Альваро не ответил. Он даже не удостоил меня взглядом, лишь махнул рукой, словно прогоняя назойливую муху.
 Я стояла у ворот с узелком в одной руке и мешком картошки в другой, оболганная, оплёванная, бездомная и безработная. И знаете, что самое гадкое? Даже поварята, которых я сама выпестовала, сторонились меня теперь. Небось, кто из старших застрашал.
 В мешок ссыпали тридцать килограммов «Золотистого короля», того самого, что я столько лет готовила на господский стол. Точно издеваясь, судьба решила откупиться от меня тем, что прочно связалось в памяти с этим домом.
 Делать нечего. Я схватила мешок за шершавые края и потащила его за ворота. Руки тряслись, но даже не от тяжести — от злости.
 Ни слова благодарности, ни попытки разобраться.
 Прощай, дом, где я прожила едва не половину жизни.
 Прощай, кухня, где каждая кастрюля знала мои руки.
 Прощай, рагу, которое никогда уже не разложу по тарелкам. Эх, Карла наверняка пересушит, а в этот раз такие перчики сочные в него пошли, жалко.
 Пока я шла через двор, слышала, как шушукались за спиной. Небось уже всем растрезвонили. И ведь никто не заступится. Никто не скажет правду. Все делают вид, что ничего особенного не произошло.
 С управляющим воевать — себе дороже. Сегодня за меня встанешь, а завтра и у тебя под кроватью чего найдут.
 — Рита! Подожди! Ох, не угнаться за тобой...
 Это Луиса, старая экономка. Она всегда была добрее других, хотя и держалась особняком. Старушка торопливо семенила ко мне, пряча что-то под фартуком.
 — Возьми, — она сунула мне маленький сверток. — Там травы и специи. Не с кухни, не бойся, я для сестры в городе брала, да не отослала ещё. И... Вот ещё. У Карлы-стервятницы отняла, хорошо, заметила.
 Она протянула мне истрёпанную пухлую книжицу — ту самую, куда я записывала все свои рецепты. Без неё мне как без рук.
 Я едва не прослезилась, обняла Луису так, что она охнула.
 — Всю комнату перевернула, думала, обронила где.
 — Ты заслуживаешь лучшего, девочка, — прошептала экономка. Бледные глаза смотрели с жалостью. — Они ещё волосы на себе рвать будут, что так скверно с тобой поступили. Ну и ты не отчаивайся. Ещё не старая, здоровая — найдёшь своё счастье.
 Я кивнула, не в силах говорить. Глаза предательски щипало, но я не собиралась давать слезам ходу. Не здесь, не сейчас. Поплакать — оно не стыдно, даже полезно бывает. Только не хотела я радовать зрением тех, кто меня из дому выжил.
 Луиса ушла. Я вспомнила про конверт, что швырнул в меня дон Альваро, достала из-за пазухи. Неужто рекомендацию написал? Тогда можно попытать счастья в поместьях за рекой, куда слухи не доползут.
 Повеселев, я развернула лист. На тонкой бумаге с вензелями было выведено только одно слово, блестящее и чёрное, как змея.
 «Воровка».
 Ругнувшись, я разорвала это паскудство на клочки. Их немедленно подхватил ветер, бабочками развесил по кустам и деревьям.
 Мешок с картошкой тянул плечи к земле, но я упрямо шагала прочь, чувствуя, как подошвы ботинок вязнут в весенней грязи. Ветер трепал подол платья, будто торопил: иди, иди, здесь тебе больше не место.
 Ну и чёрт с вами, решила я. Головой тряхнула, каштановые кудри рассыпались по плечам. Не расплачусь, не кинусь в ноги, а пойду своею дорогой, где только я себе и указ.
 Обязательно придумаю, как жить дальше. Пусть вещей всего ничего, а денег нет вовсе, но умения и талант у меня никто не отнимет!
 Шагая по дороге с тяжёлым мешком картошки, я вдруг осознала, что всё это время жила словно в клетке. Да, уютной, знакомой, где каждая трещина на потолке была родной, но всё же — клетке. Пока дон Альваро решал, сколько масла выделить на обед или какие травы заказать для маринада, я не задумывалась о том, что могу быть свободной. А теперь, когда за спиной не осталось ничего, кроме пустых ворот, мир вдруг стал огромным и полным возможностей. Конечно, немного пугающим — куда ж без этого. Но разве не говорят, что удача улыбается смелым? Вот и я решила: если судьба подкинула мне горький ингредиент,

значит, пришло время готовить новое блюдо. Главное — не забыть добавить щепотку дерзости и каплю веры в себя.

*Друзья, рада видеть вас здесь! Мы с Ритой в похожем положении, обе пробуем нечто новое для себя. Это мой первый опыт в бытовом фэнтези. Пожалуйста, если у вас есть мысль для комментария — не стесняйтесь писать. Я читаю каждый, очень радуюсь вашей поддержке и вовлечённости. Если вам нравится история, не забудьте поставить звезду, тогда книга поднимется в рейтинге и её увидят больше читателей.
 А теперь продолжаем. Что же придумает Рита?..*

Глава 2: Путеводная картошка

Ох и намаялась я с этим мешком! Моё единственное богатство с каждым шагом становилось всё тяжелее, точно заколдовали. Я пыхтела, сопела, обливалась потом, но продолжала нести — не кинешь же на дороге.

Вела она прямым к реке, где теснились домики арендаторов. Жила там одна знакомая: без шику, семеро по лавкам, — но уж на ночку-другую приютит. А за пару секретов из моей записной книжки и подольше, может.

В середине пути я спустила мешок со спины и потащила уже без затей, костеря на все лады Карлу, дон Альваро и жаркое весеннее солнце. Как назло, никто в нужную сторону не ехал, телеги и вершники только навстречу попадались. Терпение моё вот-вот грозило лопнуть.

Но первым лопнул мешок. Картошины с готовностью раскатились, словно только этого и ждали, заскакали с дороги вниз. Даже заговорщики перед угрозой ареста не разбегаются так скоро и результативно.

— Ну конечно. Ну разумеется. — Я упёрла руки в бока, осуждающе глядя на это безобразие, но действия это не возымело.

Пришлось лезть в овраг.

Собирая в подол картошку, а на голову паутинки, я обнаружила, что влезла в смородинник. Листья пахли терпко, с лёгкой горчинкой — настоящий смородинный дух, от которого сразу вспоминаются запотевшие кувшины морса и варенье в глиняных крынках. Вот только ягоды ещё зелёные, твёрдые. Но я уже прикидывала, сколько мёда запастись на готовку через месяцок.

Теперь на картошку я поглядывала с куда большей приязнью. Сунулась дальше, поглядеть, нет ли рядом ещё чего полезного — да и вывалилась на заброшенную делянку.

На дальнем краю стоял дом. Сразу видно, что не живёт никто. И давненько уже, раз крыша провалилась местами, а дверь грустно повисла на петле. Такие дома всегда будто шепчут. Скрипят половицы — это они вспоминают, кто и когда по ним ходил. Шебуршат мыши за стеной, ветер завывает в стрехах, вздыхают от тяжести крыши стены. Я настороженно прислушалась — дом молчал. Не хотел рассказывать свои секреты.

Никогда не слышала, чтобы кто-то здесь дом держал. Наособицу, вон, даже колодец отдельно вырыл себе. Кто так селиться будет? Точно злодей какой.

Пока голова моя рисовала бандюганов под каждым кустом, ноги знай себе несли. Внутри дом оказался именно таким, как и ожидалось — грязный, с нежилым запахом плесени и пыли. Я прошла, смелея с каждым шагом. Уже по-хозяйски приценивалась: а ну как отмыть всё и окна вставить? Хороший сруб, ещё полвека простоит. И не нужен никому.

За спиной скрипнуло.

Я так и подскочила, обернулась мигом. От испуга выпустила подол, картошины застучали по полу.

Вместо головореза с десятью ножами в каждой руке позади обнаружился кот. Да здоровый какой! Из облака чёрной шерсти на меня уставились два медовых глаза.

— Киса, — умилилась я, — ну-ка иди сюда, кто у нас тут такой красивый?

Кот дёрнул хвостом и задрал нос. Мол, что за глупые вопросы ты, тётка, задаёшь, только я тут и красивый.

Сперва он с умным видом катнул картошину лапой, поразмыслил, достойно ли это развлечение его внимания — и только потом решил подойти.

Я присела на корточки. Люблю кошек, всегда завести хотела. Жаль, дон Альваро на дух их не переносит, только свору охотничью и держит.

Котяра оказался не из доверчивых, от руки увильнул. Хвост-метёлка завернулся вопрошительным знаком.

— Да не обижу, не бойся, — ворковала я. — Потерялся или прогнали тебя? Упитанный какой, погляди, с хорошую индюшку.

Должно быть, последнее слово было ему знакомо. Котяра заинтересованно двинул ухом и, наконец, смилостивился, дал погладить.

По всему видно, не дикарём вырос, но шерсть уже свалаялась, местами прилипли семена и репы. Пока наглаживала, нащупала ошейник — а на нём бирочку.

— «Феликс», — прочла я гравировку. — Кличка твоя, что ли?

Кот встопорщил усы. Он вообще оказался товарищем немногословным: не мурчал, не вякал, как в его племени обычно заведено. Только светил глазищами, да знай себе ластился.

Я не забывала осматривать дом. Мебель вынесли подчистую, одна труха по углам. Прошла — три комнатки, в каждой унылое ничего. Кое-где проплешины в настиле, словно на пол тяжёлое уронили. Но стены целые. И очаг с трубой тоже.

Феликс всё увивался вокруг ног, а тут вдруг замер.

— Чего ты? — удивилась я. — Едой тут и не пахнет.

Но кот смотрел не на очаг. Он вскинул хвост трубой, отбежал к дальней стене и заскрёб рядышком. Обернулся — смотришь, нет? И опять заскрёб.

Я подошла. Еле разглядела на полу скобу, потянула, дёрнула посильнее. Крышка погреба совсем разохлась, еле поддалась, труха взвилась облачком. Феликс чихнул и с недовольным видом отбежал.

Из погреба тянуло холодком. Пахнуло сыростью, пылью и чем-то ещё — не гнилью, нет. Тёмным земляным запахом тайн. Таким пахнут старые письма, закопанные клады и те истории, которые лучше не рассказывать при свете дня. Каменным ступеням гниль была нипочём, света из окна хватало, чтобы не наступить мимо. С замиранием сердца я спустилась вниз. А ну как разбойничья шайка богатства запрятала! Или хотя бы копчёных окороков с колбасами.

Должно быть, дела у шайки шли не очень хорошо. Без огонька грабили, вполсилы. Потому что вместо несметных сокровищ в погребе меня ждали только склизкие остатки гнилой картошки, да неаккуратно сваленные лопаты с тяпками, в которых ржавчины было уже больше, чем металла. В углу стояло ведро. Через дно отлично просматривался пол. Ещё обнаружился ковшик с двумя ручками, вполне целый.

Прихватив его, я выбралась наружу.

А ничего погребок-то, по уму сделан. Не только сухой, но и с нишей для заморозки. В любой магической лавке можно камешек для неё заказать, чтобы холод всегда был: лёд не тает, масло не раскиснет, да и мясо храни, сколько пожелаешь. Дорогая штучка, но удобно как! У дона Альваро ледник чуть ли не с эту комнату, весь в щётках кристаллов. В жару и допрашиваться никого не надо, чтоб сбегали вниз, сами просятся.

Я повертела ковшик в руках, вышла на двор. Заглянула в колодец — вода поблёскивает, обрывок цепи висит в метре над ней. Ворот повернулся с натугой, заскрипел. На конце цепи болталось чуть разогнутое звено, словно кто с похмелья так хотел пить, что ведро аж с крюком сорвал. Я кое-как приладила ковшик, дырой в ручке насадила на звено — и отправила вниз.

Воды в итоге зачерпнулось немного, но мне и того было достаточно: не воняет, чистая, даже не зацвела. Глоток освежил, сразу придал сил.

Чувствуя прилив вдохновения, я пошла осмотреть делянку. Видно было, что когда-то здесь сажали, ещё сохранились столбики разметки, но очертания грядок скорее угадывались. Если и было что годное, сорняки и буйная лесная зелень давно задушили.

Выращивать мне ничего особо не доводилось, даже укроп в поместье закупами в деревне. Но вот передо мной лежит земля. Ничейная, заброшенная земля. Есть мешок картошки. И даже инструмент, хоть и выдавший виды.

Неужто не справлюсь?

Азарт подстегнул меня, взбодрил. Заставил сбегать на дорогу и перетаскать всю картошку в дом. Феликс забрался на колодезную крышу и с величайшим недоумением наблюдал, как я выволокла на свет лопаты и пробую ими землю. Две раскрошились тут же, но третья выдержала испытание. Пара тяпок составили ей компанию.

Я прикинула: «Золотистый король» неплохо родится, говорят, с одного ведра можно получить семь, если погода не подкачает. Цены сейчас... Так себе, если честно, картошки у всех с избытком. Половину реала за кило торгуют.

Но если с моих тридцати выйдет хотя бы двести, то это уже сотня реалов. Сотня! Крышу с полом подлатать, дверь поставить, стёкла в окна... Впрочем, нет, ещё на вторую посадку отложить надо будет. Но всё равно хватит, чтобы в доме хотя бы поспать можно было без страха, что остатки крыши рухнут на тебя.

Я прислонилась к колодцу, так мне голову закружила эта перспектива. Феликс спрыгнул на землю и подошёл.

— Ну что, дружок, живём? — Кот моргнул и боднул меня под колено. — Огород тут большой, работы много. Расчистить, вскопать, посадить. Перекантуюсь пока у Элены, ещё работёнку подыщу на время, чтоб не нахлебничать. А как урожай пойдёт, насовсем вернусь. Ох, хорошо, вспомнила... Надо бы картошек прихватить, задобрю нашу Эленицу. Как раз и травы пригодятся.

Мысль о добром ужине заставила меня взглянуть на домик по-новому. И погреб есть, и очаг хороший. Три комнатки. Лес богатый, и картофельная делянка под боком.

Чем не таверна?

Даже испугалась сперва таким мыслям. Отступилась, покрутилась вокруг. «Бред, — тут же отозвалась во мне осторожность. — Одной не потянуть». Но следом заговорил азарт, горячий и настойчивый: «А если попробовать? Представь: дымок из трубы, запах сытной еды, путники у порога... И никакого дона Альваро с его вечными придирами, никакой Карлы с её кознями, никаких лживых управляющих и друзей-предателей». Сердце застучало так, будто собиралось вырваться и самолично вскопать грядки.

Я чувствовала, что о другом думать больше не смогу. Готовка для меня — вся жизнь. И чужие козни этого не изменят.

— Вот что, дружок, — сказал я Феликсу, отбирая клубни для еды, — я сейчас ухажу. Хочешь со мной пойти? Покормить тебя пока нечем, но обещаю раздобыть молока.

Кот смотрел так, словно в точности понимает каждое слово. И «молоко» нравится ему больше остальных.

Я спрыгнула, чтобы не ступать по гнилому крыльцу, перекинула облегчённый мешок через плечо. В последний раз обернулась и, повинаясь какому-то порыву, помахала дому рукой.

— Скоро вернусь.

Чёрный кот потрусил за мной на толстеньких лапах.

Глава 3: Сезон чудес

Конечно, сперва я вызнала у Элены, нет ли у дома хозяина. О находке говорить не стала, чтобы другие охотники не набежали.

— В лесу? — переспросила она, уплетая за обе щеки пастуший пирог. — Не, в лесу никто не живёт. Косме, скажи.

— Никто, — подтвердил её муж. Он новой соседке не обрадовался, но еда быстро заставила передумать. — Все к реке жмутся, к людям. В одиночку какая жизнь?

— София хочет жить в лесу, — наябедничал младший из сыновей, бойкий десятилетка без переднего зуба.

— Мало ли, чего она хочет, — буркнул Косме. Потом вздохнул: — А хоть и бы и в лесу... Глядишь, леший посватается. Хоть какой зятёк.

— Да ну тебя, — рассердилась Элена. — Ешь давай.

Жили они получше, чем я думала: муж рыбу тянул, Элена штопку со всей деревни брала — научилась красоту наводить, пока у донна Альваро трудилась. Птичник держали, даже корову свою завели недавно, чем ужасно гордились. Всегда было, с чем сыновей на торг отправить.

Одна беда — старшую дочь всё пристроить не могли. Тихая да молчаливая выросла, из тех, кого в комнате не замечают. Красавице бы простили, загадочной назвали. Бледную да тоненькую Софию рядом с яркими сёстрами и видеть не желали. Засядет в углу, сольётся со стеной — будто и нет её.

В первый же вечер заметила: младшие так и норовят её ущипнуть, уколоть как-нибудь. А родители не мешают, как будто злятся на неё, что неправильная уродилась.

Не моё это дело, в чужие порядки лезть. Да только стала я Софию потихоньку к готовке подтягивать. Элена сперва отговаривала: «Нескладёха она у меня, что ни попроси, навыворот сделает, что ни возьмёт, тут же срывает». Потом наскучило, рукой махнула.

Оказалось, что если не орать на девчонку, не попрекать через слово и не шпынять, то она быстро соображает. А больше всего мне понравилось, что София с интересом ко всему подходила, не из-под палки материнной подруге помогает. Стеснялась поначалу ужасно, но как поняла, что я за ошибки ругать не стану, посмелела.

— Вы не режете мясо сразу, да ведь? — спросила она, когда мы жарили говядину к ужину. — Почему?

— Давай покажу. — Я взяла кусок только со сковородки, такой горячий, что в руках не удержишь. Отрезала край. Сразу показался блестящий сок. — Видишь, что происходит? Ты когда жарешь, всё мясные соки в середину куска сбиваются. Если нарезать сразу — они у тебя вытекут, считай, треть вкуса по тарелке размажется. Подожди, дай мясу полежать отдохнуть. Тогда соки обратно по всей толщине разбегутся, кусочки останутся сочными и мягкими после нарезки.

Внимательной ученицей оказалась София. И благодарной — а это всегда душу греет. Чем больше мы хозяйничали вдвоём, тем меньше я понимала, отчего родная семья не видит, какая разумница выросла.

Без дела я не сидела. Кому со стиркой помочь, кому на торг вместо больной жены съездить, кому пирог на день поминовения испечь. Денежку отдавала Элене. Дружба дружбой, а надо и понимание иметь: бесполезному гостю в первый день рады, на второй терпят, на третий за порог выгоняют.

Вот пироги-то меня и прославили на три соседние деревни. А ещё — Феликс.

— Неправильный у тебя кот, Ритита, странный, — ворчала Элена, поглядывая на кота с недоверием. С первого дня его невзлюбила. — Собак гоняет, коты к нему не подходят. И хоть бы разок мурлыкнул. Ишь, ва-а-ажный какой, жи-и-ирный, точно дон.

Феликс бросил вылизываться и неодобрительно посмотрел на неё. Иногда мне казалось, что он понимает каждое слово — и далеко не всем из них рад.

— И зыркает, зыркает! — не унималась Елена. Она махнула на него полотенцем, но шлёпнуть забоялась.

Видела бы она, как этот господин по всей делянке за ящерицами гонялся! Земля так и брызгает из-под лап, хвост трубой, на поворотах заносит — и куда только спесь девалась. Обычный невоспитанный кот, обалдуй и дурашка.

С ним было куда веселее ковырять твёрдую землю, драть сорняки с метровыми корнями. Часок поработаешь — не разогнуться. Умоешься колодезной водой, в теньке дух переведёшь — и опять тяпкой махать, пока в глазах не потемнеет. Смотришь, а это не дурнота одолела, это вечер уже спустился.

Потом настал черёд копать. Делянка, что раньше казалась не такой и большой, превратилась в огромный участок, и с каждым поднятием лопаты будто становилась всё больше. Врать не буду, швыряла ту лопату не раз и не два, когда оглядывалась и понимала, что не половину поля вскопала, а полоску в метр. На руках с непривычки вспухли мозоли. Через неделю — загребели, превратились в твёрдые подушечки.

Когда я наконец посадила картошку, сил почти не осталось. Отражение показывало, что я похудела и осунулась, но глаза всё ещё горели решимостью. Я верила, что всё получится. Тем более, слухи ходили, что на юге на картофель напала хворь — а значит, цены подрастут.

Первым всходам радовалась, как дитя фигурному прянику. На торгу вызнала, что за чем делать, как выращивать правильно — благо, охотников поболтать собиралось предостаточно. Бегала каждый день проверять, не напал ли жук, не пожрала ли гусеница. Первое окучивание, второе. Ничто не предвещало беды.

А на следующий день пошёл дождь.

— Хоть землю напитает, — крикнула Елена, пока мы срывали с верёвок сохнувшее бельё. — А то засухой всё пугали. Тут на днях у полей колдуна пришлого видели, наворожил, небось. Давненько они в наши края не заглядывали, может, кто из донов позвал, неурожая побоялся.

Это не был какой-то рядовой дождь, который высыхает к полудню. О, нет! Тучи как приклеились к небу.

Я сначала радовалась: теперь стирку не надо таскать к реке, бадья полная каждый день. Потом испугалась: вода в колодце поднялась слишком высоко, замутилась. А потом просто злилась — каждый день одно и то же серое полотно над головой, будто старушка-природа забыла, куда положила солнце.

— Лучше бы этому колдуну сюда не захаживать больше, — ворчали мужики, — зубов на амулеты надёргаем.

Земля раскисла, с полей и огородов приходили тревожные вести — гниёт урожай. Завозная хворь с юга перекинулась на укопанный молодой картофель и с поразительной скоростью уничтожала припасы. Цены на картошку рванулись вверх.

У меня сердце болело от этих новостей. Весь мой запас Золотистого короля сейчас мок и гнил в земле, а зреть ему ещё три с лишним месяца!

— Не может быть, чтобы всё пропало, — повторяла я себе, прихлёбывая из кружки с травяным чаем. Мята должна была успокаивать, но в последнее время она работала наоборот.

Прошло четыре недели.

К этому времени надежду мою почти всю смысли дождями. И в то утро, когда тучи наконец разошлись, я не побежала первым делом проверять делянку. Струхнула, чего уж. Пока своими глазами не увидишь, ещё за последнюю ниточку держишься.

Я как раз полоскала бельё на мостках, когда явился Феликс. Обычно он к воде не совался, не любит её — страсть.

— Чего ты? — улыбнулась я, локтём убирая волосы со лба. — Соскучился, ни... Куда?!

Кот выхватил из шайки мокрую рубаху и, не обращая внимания на мои вопли, задал стрекача.

— А ну стоять! Стой, говорю, скотина мохнатая! — Со всех ног я помчалась за ним, только пятки засверкали.

Злодей этот и не думал останавливаться. Беленькая, свежестиранная рубашка собрала на себя уже столько грязи и перьев, что узнать её было невозможно.

Феликс пустился по дороге — я за ним. Он в кусты — я с треском пробила следом. Рубашка зацепилась за куст, кот дёрнул с утробным ворчанием.

— По жопе надаю, — пообещала я, выбираясь из плетей ежевики. — И сметаны больше не получишь.

Жёлтые глаза сощурились. Ткань треснула, клоч рубашки повис на сучке, а остаток исчез в прогале вместе с похитителем.

— Дом разбойничий, и кот такой же, — пробормотала я, вылезая из кустов. — Ой.

Феликс привёл меня к делянке, оказывается, только в другом месте. И не будь тут дома, я бы её не признала. Картофельная ботва буйно зеленела, разве что не колосилась — так её распирало здоровьем.

Хладный труп рубашки валялся у первого ряда. Гордо задрав хвост, Феликс прошествовал к ближайшему кусту и принялся подрывать корни.

Я уже поняла его способ общения. Так что вместо дурацких вопросов присела и начала осторожно подкапывать один из кустов. А когда увидела, что скрывалось под землёй, глазам не поверила.

Среди тонких жил корешков притулились картофелины: всё ровные да крупные, сухая земля сама отстаёт. А я хорошо помнила, какой горох сажала, бугристый отбраковок, в пятнах весь.

— Чудеса, — бормотала я, разгребая землю.

Картошка всё не кончалась. Семь ведер с одного? Ха! С куста я сняла четырнадцать клубней, достойных звания «Золотистого короля», тяжёлых и красивых. Аж в руке подержать приятно. И хоть бы один порченный или мелкий! Как отбирал кто.

Феликс с важным видом уселся рядом, обернул лапы хвостом. Он выглядел очень довольным собой, но быстро перестал, когда я кинулась целовать мокрый нос.

— Ты понимаешь, что это значит, Феликс, ты понимаешь? — вне себя от радости вопила я, пока он отпихивался. — У нас будет таверна! Своя! Собственная! Таверна!

Глава 4: Два слова, о которых мечтает женщина

Сбор урожая занял почти неделю. Каждый куст выдал мне ровно четырнадцать картошек, идеальных, хоть картину с них пиши. Когда я разложила их на просушку, казалось, что комната наполнилась светом. Клубни лежали прекрасными ровными рядами, такие золотистые, словно какой-то мастер заключил солнце под тонкую кожуру. Я дотошно изучала каждую, водила пальцами, проверяя на ощупь. Это был мой труд, моя победа. И хотя я видела, что урожай вышел необыкновенным, всё равно боялась поверить до конца. Вдруг это какое-то случайное везение, которое завтра прервётся? Приду утром, а они все в бурых пятнах и гнилью воняют...
Но нет. День проходил за днём, а картошка оставалась такой же идеальной, будто смеялась над всеми моими страхами. Как ни придиралась я, как ни перебирала — в итоге не выкинула ни одной.
Из этой радости вырос деловой настрой. Нужно было разобратся с двумя вопросами: продать этот урожай и посадить для нового. Раз за два с половиной месяца она вызревает, да ещё с дождями дружит, успею ещё раз собрать до осенних холодных ночей.
Я быстро отобрала лучшие картофелины на сев, да ещё на еду отложила. А вот с продажей вышла заминка.
Будь это пара вёдер, я бы их без затей на торг снесла. Но как быть с эдакой-то кучей? Плечистых знакомых со свободными телегами у меня не водилось, все своими делами заняты.
— Даже мешками таскать выйдет долго. И кто знает, долго ли хорошая цена продержится?
Феликс на мои вопросы только глубокомысленно молчал и драл когтями дверь.
Посмотрев на это, я тоже решила не страдать ерундой и быть проще. Дон Альваро всегда закупал картофель у одного и того же торговца — почему бы не обратиться к нему? Даже искать не надо, была разок
На следующее утро я отправилась в город вместе с утренним обозом. С собой взяла только мешочек с образцами картошки — показать товар лицом, так сказать.
Джегорио наблюдал за работой у складов. Его парни таскали ящики и мешки: зерно, мука, зелёные тыквы.
Ни единой картофелины. Я подобралась, как гончая при виде зайца. Так-так...
— Ба! Да никак Рита от дона Альваро пожаловала? — удивился он, узнав меня. — Неужто пришла лично муку перебрать?
Я улыбнулась шутке, но не стала рассказывать, что больше не работаю в поместье.
— А то не знаю, что мука у тебя отличная? Столько лет — ни единой жалобы, пироги и пышки из неё объедение. Нет, я принесла тебе кое-что получше бесполезных проверок, Джегорио. Пойдём, потолкуем, — ответила я.
Картошка произвела впечатление. Торговец внимательно осмотрел клубни, даже разрезал один.
— Не пойму, — пробормотал он. — На «Золотистого короля» похож, но он и в лучшие годы такой размер не даёт. Что за сорт такой? Где взяла?
— Вырастила, — ответила я и скромно добавила: — У меня ещё есть.
Такие простые слова, за которыми скрывались долгие часы работы, натруженная спина и мозоли на руках, в которых жили надежды и сомнения. Рассказывать о них торговцу я не стала. Пусть думает, что у меня особые секреты в заглазнике.
Джегорио сразу оживился.
— Сколько?
— Да так, сотня будет.
— Сто килограммов? — Мужик аж подпрыгнул. — Никак, само небо тебя послало. Запасы у всех на исходе, заново сажать нечего. А знаешь, прямо сейчас и поедем, чего зря болтать.
— Не килограммов, — я позволила себе лёгкую снисходительность. — Вёдер, дорогой Джегорио, вёдер.
Я оставила Феликса у Элены, но этот мохнатый прохиндей как-то почуял, где меня ждать. Торговец его даже не заметил, увлечённый проверкой товара.
Он уже сообразил, что слишком явно обрадовался. С сомнением хмурился, переворачивал то одну, то другую картофелину в поисках изъянов. Потом отвернулся и вышел — мол, ничего интересного не увидел.
Работники с мешками и безменами уставились на него. Джегорио сорвал травинку, сунул в рот. Обернулся на дом.
— Ничего товарец, приятный. Только знаю я такие сорта, долго не хранятся. А уж если серая гниль нападёт... Тебе же и хранить столько негде, верно? А гниль эта ой коварная... — Джегорио взялся за сердце точно ничто в этом

мире так его не печалило, как опасность, грозящая моей картошке. — Повезло тебе, Рита. У меня вчера как раз помещение освободилось. На свой страх и риск — возьму.
 Парни двинулись в дом.
 Дорогу им преграждал Феликс: уселся на пороге и знай себе намывался.
 — Подожди-ка, благодетель ты наш. Я ещё не отдаю, чтобы ты брал. Сперва о цене договоримся, по рукам ударим — всё честь по чести.
 Смутить опытного торговца труднее, чем рассмешить сборщика податей. Джегорио засуетился:
 — Да о чём говорить тут? Восемьдесят скудо за килограмм даю — королевская цена, больше никто не предложит.
 Тут я уже разозлилась:
 — Ты меня совсем за дуру держишь? За восемьдесят скудо я тебе только пинка под зад продать могу. До ливней по пятьдесят торговали! Сам сказал, что запасов не осталось, и про юг знаю, что нечего подвозить.
 Глаза Джегорио сузились, как у кота перед прыжком. Я невольно кинула взгляд на Феликса — тот всё ещё сидел в той же позе, только уши развернул в нашу сторону.
 — Знаешь, люди каждый год языками чешут, а доверчивые потом не знают, как товар сбыть... Понакупят по слухам и сидят, убытки подсчитывают.
 Понятно, куда ветер дует. Не хочет лишнего скудо потратить. Если уступлю, не только сейчас прогадаю, но и в будущем: все узнают, что из Риты можно верёвки вить, стоит только надавить чутка. Я упёрла руки в бока и надвинулась на Джегорио:
 — А может, мне проще напрямую дону Альваро всё и продать? Зачем нам посредник?
 Тот сразу замахал руками:
 — Рита, дорогая, ты не так всё поняла. Это у нас в торговле так выражаются, чистую цену называют за сам товар. Конечно, твои труды, то, что ты этот картофель взрастила и собрала, тоже заслуживают оплаты. Суммируем — и что получаем? Реал, целый реал за килограмм!
 — Не разочаровывай меня, Джегорио, это недостойно торгового человека. Ты думаешь, дон Альваро не раскошелится на реал? Он прижимистый, но не дурак, всегда понимает справедливую цену.
 — Он может не взять всё! — нашёлся тот. — Куда ему девать столько картошки? А мне как раз.
 — Три реала.
 Теперь мужик схватился за сердце вполне натурально. Один из парней выронил мешок — Феликс немедленно улёгся на него.
 — Два, — жёстко сказал Джегорио. — И только из уважения к твоей деловой хватке. Мне ещё самому искать придётся, кому его загнать, чтобы окупилось.
 — Ничего, найдёшь, — улыбнулась я. — За таким в очередь выстроится.
 Мы ударили по рукам. В душе я ликовала: не думала, что смогу выжать больше полутора. Но лицом не показывала, держалась спокойно, пока картошку рассыпали по мешкам и взвешивали.
 — Шестьсот сорок два килограмма, — объявил Джегорио и стал черкать в своей расчётной книжечке: — Умножить на два реала, минус стоимость экспертной оценки, упаковки, фасовки, транспортировки из неудобной зоны... Округлим для ровного счёта... Итого: ровно одна тысяча реалов.
 Никогда таких красивых слов не слышала. Аж в ушах зазвенело колокольчиками: «тысяча реалов». Это ж пропасть всего купить можно, жуть! Наверное, даже на стельную корову хватит... Даже жаль немного, что мне она без надобности, держать негде.
 Сразу зачесались руки заново вскопать поле и засадить в тот же день, от прилива сил заколотилось сердце.
 Джегорио тоже не выглядел недовольным. Он бодро покрикивал на работников и, судя по всему, уже прикидывал, как много сможет заработать.
 Мешки живо утащили. Дом показался странно пустым и просторным без картофельных залежей. Я прошлась по комнатам, отставший песок хрустел под подошвой. Каждая комната была как старенькая рубаха, которая ждёт, когда же её отстирают, залатают дыры и украсят вышивкой по вороту, чтобы снова радовать хозяйку.
 Феликс тихонько подкатился в ноги, потёрся, оставляя на подоле шерстинки.
 — Мы богаты, дружок, — сказала я, почёсывая его за ухом. Выпрямилась, с новым чувством оглядела дом. Глаз примечал каждую деталь, что нуждается в срочном ремонте. — Но это не надолго. Завтра начинаем тратить!

Глава 5: Один ремонт как два пожара

Картошка снова легла в землю — ровно пятьдесят килограммов, на всю делянку хватило. Остаток взяла на кухню, порадовать Эленину семью, да себя потешить.

София наблюдала из угла, как я режу начинку для пирога. И вовсе не глупая девчонка оказалась, внимательная. Если не орать на неё, то горшков не роняет. А то, что молчунья — так это даже неплохо, никто над ухом не зудит.

— Абы как в пирог картошку бросать нельзя, сырой останется, либо тесто пересушишь, — учила я под приятный уху постук ножа. — Некоторые сразу варёную кладут, чтобы наверняка. И весь смак этим убивают: ни текстуры, ни вкуса. Видишь, какая у меня пластинка тонкая вышла? Аж просвечивает. И всю картошку так нарезать нужно. Тогда она и сготовиться успеет, и соки вобрать сможет, и в кашу не превратится. Держи нож, пробуй. А я пока ветчиной займусь.

Пирог я затеяла один из тех, что первыми выучилась готовить, матушка дона Альваро большая охотница до него была. И даже врачебные запреты не убедили старую донью, что румяный кусок пирога способен лишить здоровья. «Скорее вы, оглоеды, меня в гроб загоните!» — орала она, накладывая добавку.

Славная была женщина.

Пока София резала картошку, я занялась ветчиной.

— Есть продукты, к которым особый подход нужен, потанцевать вокруг них, на цырлах походить. А есть простые ребята, с которыми что ни делай — хорошо выйдет. Добротная ветчина из вторых. Хочешь, тоже пластинками нарежь и слоями прямо так уложи. Но мне больше нравится порубить мелкими брусками и обжарить немного. Зажаристые корочки больше вкуса дадут, и кусать удобнее. Только смотри, не переложи слишком много — ветчина и так солёная, а после жарки ещё сильнее.

Последним стоило натереть сыр, чтобы не успел подсохнуть, выдавить чеснока, да зелень порубить.

— Когда зеленушку берёшь, смотри, чтобы гнилая и пожелтевшая не попала, чуткий язык сразу их распознает. И не думай, что все травы с каждым блюдом дружат, у всякой любимые продукты есть. Укроп и орегано лучше всего в картошку, петрушку в супы, наваристые рагу и к сыру, тимьян к грибам замечательно добавить, а мясо жарить в масле с розмариновой веточкой. Вот базилик ещё взять — опасная трава, яркая, чуть переложишь, и блюдо будет испорчено.

Я беглым взглядом окинула стол, убрала лишнее, чтобы не цеплять и не путаться. Смахнула сырные крошки.

С начинкой закончили — как раз тесто подошло. У меня всегда на душе радостно, когда открываю кадку и вижу гладенький пышный ком. Даже обминать жалко.

— Такое тесто на молоке и потоньше раскатать можно, лишь бы не рвалось. Всё равно в печке в два раза подрастёт. Если туго идёт, обратно стягивается — не дави через силу. Раскатай, салфеткой накрой, да оставь. Потом возвращайся, сговорчивее будет. С тестом, оно как с нервным мужиком: самое главное — вовремя оставить в покое.

Часть теста побольше идёт вниз: дно, да бортики. Выкладываю картошку, слой за слоем настилаю, укропчиком сдабриваю, чтобы ещё вкуснее было. А когда заканчивается, уже не так аккуратно вываливаю поверх ветчину с чесноком, сыром и зеленью, разравниваю.

Часть теста поменьше — на крышку. Шов защипнуть косичкой и дать отдохнуть, минут десять хватит. Верх смазать молоком с желтком, чтобы корочка золотилась. А главное, не забыть отверстие в центре прорезать.

— А это зачем? — спрашивает София.

Я хитро подмигиваю:

— Увидишь. Один из моих секретов, так что смотри у меня — чтоб никому ни слова! Знаю я вас, болтушек, только бы языком почесать.

Она робко улыбнулась.

А секрет вот какой (только вы тоже никому не говорите!): как пирог 20 минут в печи постоит, нужно вынуть и в отверстие это бульону влить. А потом допекать ещё минут 15-20. Тогда пирог таким вкусным и сочным выйдет, что ум отъешь.

Видю, что София уже извертелась, да и самой не терпится, но заставляю ждать, пока готовый пирог под салфеткой в себя приходит. Всего с десятков минут — хотя тянутся они не меньше часа. Настоящая пытка: ходить вокруг стола, вдыхать запахи и голодно облизываться.

Но ожидание вознаградится.

Нож впивается в золотистый бок, пар вырывается на свободу — и дальше никаких слов, только благоговейное молчание и закатывание глаз от удовольствия. Горячая начинка истекает соками в пуховом окружении теста, сыр тянется, вкусы и ароматы такие, что хоть небо сейчас напололам треснет — никто не прервётся. Первый кусок заскакивает так быстро, словно его отобрать могут. А второй — уже вдумчиво, в расслабленной неге.

Кот за нами следил с подоконника и, судя по морде, ничего хорошего не ожидал. «Опять эти двуногие с едой играют», — говорил его вид.

Но как печёным запахло, уже тут как тут — под ногами вертится, хвостом ножки стола полирует.

— Чего ты, — говорю, — морда усатая? Тоже пирогов захотелось? Возьми лучше ветчины кусочек.

Я протянула остаток из начинки. Феликс, не будь дурак, вспрыгнул на стул, подцепил лапой здоровый шмат ветчины — и дал дёру.

— Вот мошенник! — Я возмущённо обернулась на Софию, но та только хрюкала со смеху.

Со двора доносились утробные звуки кошачьего счастья.

Следующим делом в списке был ремонт. Расхаживая по будущей таверне, я решала, что можно отложить в долгий ящик, а что требовалось чинить немедленно. Увы, но «огромные деньги» — совсем не то же самое, что бесконечные. А когда прикидываешь траты, то уже и не такие огромные.

Крыша над большой комнатой играла роль скорее декоративную, вроде кружевного зонтика. Подгнивший и местами проломленный пол доверия не внушал. Крыльцо... Не уверена, что это слово вообще ещё относится к насквозь гнилому остову. А вот дверь была вполне ничего. Не считая того, что последняя петля на днях испустила дух — и дверь внезапно рухнула с таким грохотом, что я едва не последовала за ней.

Сдуру я и в этот раз сунулась в город. Где получила щелчок по носу в виде грабительских цен на всё, от гвоздей до сквернословящих плотников. Гвоздей я бы ещё взяла — у них не было привычки сплёвывать табак прямо тебе под ноги.

Пришлось отказаться от идеи сохранить тайну до самого открытия и пойти к Руису.

Мужик этот был своего рода достопримечательностью. Вечно занятый чужими стройками и ремонтами, своего дома он не имел, так что кочевал по десятку адресов, где его и полагось искать.

Повезло — сейчас артель Руиса занималась мостом через речку, где я его и поймала.

— Сделаем в лучшем виде, — пообещал Руис. — Хоть завтра утром начать можно.

— А мост?

— А чего мост? — рассудительно ответил он. — За мост уже уплачено, спешить некуда.

После этого я твёрдо решила денег вперёд не давать.

Начался ремонт. Мастера не соврали, пришли с утра пораньше, вооружённые инструментом и кучей соображений о том, как превратить эту лачугу во дворец.

— Ну и развалина! — без расшаркивания заявил старший из них, почёсывая затылок. — Крышу, считай, заново стелить. Хозяйка, а может, черепичную бахнуть? Алхимики новый обжиг сейчас делают, такая черепица выходит — ну пальчики оближешь.

— Ага, — хохотнул кто-то, — с ценами на неё только пальцы облизывать и останется, на еду уже не хватит.

За материалами поехали вместе.

— Может, стоило купить новый дом?.. — бормотала я, подсчитывая расходы.

Только основной ремонт обошёлся в 173 реалов. Дороже всего оказался пол — от вечной сырости он весь пришёл в негодность. Дверь почистили, содрали хлопья старой краски, пропитали от вредителей и лаком покрыли. На новеньких петлях уже не скрипела, смотрелась основательно и солидно.

Пришёл черёд вставлять окна. Стекло в деревне брали самое дешёвое, толстые бугристые листы, через которые ничего не разглядишь толком.

Мне такое не подходило. Отчасти из-за привычки к свету после поместья. Но была ещё причина: мне хотелось, чтобы снаружи и зимой видели, как внутри едят с удовольствием.

Я выбрала тонкое ровное стекло, такое прозрачное, словно его и нет.

— Советую доплатить и сделать алхимическую закалку, — прогундосил торговец, удивительно похожий на гнома всем, кроме роста. — Народ у нас буйно гуляет, сами знаете.

Я и правда знала, так что выложила 64 реала за прочное остекление. Мама дорогая, дороже, чем крышу сделать! Каждая трата как ножом пырала, но я брала себя в руки и расставалась с деньгами без жалости. Заодно начинала завидовать алхимикам.

К ним лично я наведалась уже после того, как дом стал похож на дом.

Один кристалл на морозильную полку. Три светильника, которые впитывают солнечный свет днём, а как стемнеет — отдают. 38 и 126 реалов, без которых мой кошелек заметно полегчал.

Видя, что у клиентки водятся деньжата, крючконосая дама за конторским столиком ожилилась, достала из коробки большой плоский камень. Чёрная поверхность блестела, как лакированная.

— У нас и новинка есть, не желаете посмотреть? Здесь штырёк, передвигаем...

Внутри круга что-то щёлкнуло, тихонько загудело. На поверхности проступила бледно-красная спираль.

— Пожалуйста ручку сюда, — проворковала дама, схватила мою ладонь и поднесла к этой штуковине. От камня шло ощутимое тепло, приятное и ровное. — Это самый слабый режим, есть ещё семь. Одного огнекамня хватает, чтобы полностью отапливать средний дом в снежную зиму.

— Это когда у нас были снежные зимы?

— У него есть и другие применения, — тут же нашлась дама, должно быть, имевшая комиссионные с каждой продажи, — например, замена дровяной плиты или очага. Всё, что нужно — установить камень на обычное место розжига. Он идеально подходит для приготовления еды и лишён недостатков обычного огня. Никаких искр, что могут поджечь дом. Никакого дыма и копоти, что пачкают посуду. Нулевой риск угореть. И даже обжечься об него невозможно: встроенная защита понизит температуру в месте прикосновения в тот же миг! Даже на семёрке.

— Правда? — восхитилась я. — А ну покажите.

Вышла некоторая заминка. Должно быть, продавщице ещё не приходилось отвечать за содержание рекламы. Она отошла за занавеску, переговорила с кем-то — и только тогда осмелилась передвинуть рычажок до конца.

Спираль почти сразу раскалилась до голубоватой белизны, обдала нас жаром. Дама резко выдохнула и ткнула пальцем в середину. Я дёрнулась остановить, не успела и вся сжалась в ожидании ужасного крика.

Шло мгновение, другое. Продавщица не орала, палёным мясом не пахло. Я присмотрелась — в месте, где палец прижимался к камню, спираль потухла, как уголёк от воды. А под тенью от ладони где оранжевой стала, где красной.

— Сколько? — Руки уже сами развязывали кошелёк.

— 80 реалов, — слабым голосом ответила дама.

Перед тем, как заняться мебелью, я навела порядок. Вымела, отскоблила и вымыла всю грязь, опрыскала от плесени, стёрла отпечатки со стёкол. Объявила войну паукам и одержала победу (при значительной поддержке кота).

Пока закупалась щётками да тряпками, позволила себе баловство — артефактик от пыли. Цветок-плетёнка из кожаного шнура будет висеть под потолком и выгонять пыль наружу. Всё ж меньше уборки в будущем.

Мебель стала последним мощным ударом по моему кошельку. Здесь пришлось ужаться, искать подешевле, торговаться за каждую монетку. Маленький очаг у меня был, но для таверны нужна дровяная плита — к счастью, хотя бы на дрова для неё тратиться не придётся.

Большой стол для готовки. Хотя бы один стул в кухню. Ларь для муки, полки.

Зал для посетителей я хотела устроить в самой большой комнате. Решила поставить четыре стола — и не пусто смотрится, и денег хватает. Стулья в зал брать неразумно, никогда не угадаешь, хватит ли на всех (как вы понимаете, я оценивала посещаемость будущей таверны очень радужно). Взяла по две лавки на стол. Большой заказ так обрадовал мастера, что получилось выпросить скидку в десятую часть.

Потом я вспомнила, что пока не превратилась в бесплотный дух, так что мне нужно на чём-то спать. Кровать и сундук для вещей я нашла подержанные, но крепкие. И даже без следов крови — что не такая уж редкость, когда имеешь дело с подержанными вещами.

За мебель я отстегнула 440 реалов и до конца в это не верила. Что за суммы? Они вообще существуют?

Тысяча просочилась сквозь пальцы, от неё почти ничего не осталось. Но результат того стоил. Дом преобразился, в него стало приятно заходить. Свет лился через окна, играл на гладких столешницах, на пахнущих свежим деревом лавках. Изменился и вид, и запах. Думаю, даже птички рядом пели бы громче, не гоняй их Феликс. После расправы с пауками он принял свою роль защитника уж слишком всерьёз — и теперь то и дело поднимал шум в кустах. Впрочем, птицы быстро привыкли и посмеивались над ним с высоты.

Ну что же, основа для будущей таверны была готова. Осталось заполнить её начинкой.

Глава 6: Как корабль назовёшь

Проблема в том, что в настоящей таверне я не была ни разу в жизни и довольно смутно представляла, как оно всё устроено. И потому отправилась в загул по заведениям — хотя и не с теми целями, что обычно подразумевают.

Первым делом я зашла в единственный на три деревни трактир, у которого даже названия не было.

Внутри место оказалось столь же злчным, сколь и зловонным. Думаю, владелец просто не желал спорить с судьбой — если что-то проливается на пол, то так тому и быть.

Утренних посетителей запахи не смущали. Судя по равномерно-красному цвету носов, они уже достигли той стадии любви к миру, которую даже вонь пошатнуть не в силах. Один вскинул на меня мутные глаза, попытался встать и с приятной улыбкой свалился на пол.

— Спасибо за комплимент, — пробормотала я.

Всегда мечтала, чтобы мужики к ногам падали.

То ли этот тёплый приём, то ли природная склонность к авантюрам заставили меня остаться и заказать еду.

Подавальщицы здесь не было, как и списка блюд. Зато был владелец за погрызанной с одного края стойкой (даже не знаю, кого подозревать).

На просьбу накормить уставшую путницу он душераздирающе вздохнул, сунул голову за кухонную занавеску и гаркнул:

— Пожрать навали!

В кухне имелась как минимум одна бабка, потому что в ответ донеслось дребезжащее: «Чаво?», — и трактирщик ушёл объяснять. Судя по всему, еду здесь не часто заказывают.

И когда мне вынесли тарелку, стало ясно, почему.

Вместо мяса в супе плавали какие-то лохмотья, и даже с моим кулинарным опытом я не смогла определить, какое животное их пожертвовало. Перловая крупа разварилась в клейстер, а из плюсов у этого блюда только его очевидная диетичность — ни единого кружка жира не было замечено.

Чем дольше я смотрела на этот суп, тем больше сомневалась в том, что вообще такое суп. В целом, как понятие.

Попробовать это чудо кулинарной мысли я так и не решилась. Заплатила десять скудо с ощущением, что купила бесценный опыт, вышла на улицу — и едва не прослезилась. После этого трактира даже ветер с унавоженного поля пах слаще мёда.

Следующей остановкой стал город. Здесь выбор был богаче: от приличных таверн до грязных притонов, где даже днём ставни держали закрытыми, чтобы никто не видел, что творится внутри.

В таверне «Рыжая бестия» я не заметила ни единого рыжего волоса. На пробу взяла пирожок с грибами, долго кусала суховатое тесто в надежде на обещанную начинку. Потом пирожок закончился. Проскочила все грибы, должно быть.

В «Голодном великане», как вы понимаете, великанов тоже не нашлось. И я подозреваю, что на кухне у них ужасный бардак: как ещё объяснить, что вместо отбивной мне подсунули подмётку?

В заведении подороже, «Удалом молодце», традиция прервалась — молодцев сюда набилось пруд-пруди, разве что удаль их проверить возможности не было. Тут я задержалась подольше, чтобы понять, отчего в других местах хорошо если пара столов занята, а здесь еле протиснешься.

За стойкой как раз работала хозяйка. Чернобровая пышная тётушка разливала эль и зубоскалила с посетителями.

— Хорошо у вас, — сказала я, подсаживаясь, — хоть людей послушать. А то куда ни зайду — ти-ши-на. На кладбище и то веселее.

Она засмеялась:

— Какие хозяева, такие и таверны. Я к посетителям с добром, как к гостям дорогим — вот и возвращаются, и друзей с роднёй приводят. За теплом душевным, стало быть.

— А как же тепло в желудке? — с недоверчивой улыбкой спросила я.

Она махнула рукой:

— Да всё равно. Не приготовишь по-настоящему вкусно, если не знаешь, для кого. Сначала пойми, что за люди перед тобой, к чему привычны и чего желают, полюби их от всей души — а потом уже думай, что сегодня готовить.

У мудрой хозяйки и еда оказалась вкусной. Я смолотила порцию жареных рыбёшек: ни единой косточки, сочные, хрустят. И заботливо сбрызнуты лимонным соком, чтобы рыбный запах перебить.

Есть после этого мне уже не хотелось, но нужно было зайти хотя бы на один постоянный двор. Я поспрашивала и вышла к большому подворью, на котором смешались в кучу кони, люди и прочие шумные элементы. Гвалт стоял невообразимый. Стайка бродячих псин решила, что это какое-то соревнование на громкость — и проигрывать не собиралась. Пожелав им удачи, я прошла внутрь.

Здесь оказалось совсем иное устройство. Вместо того, чтобы делать блюда дня или давать посетителю свободу отгадывать, что есть на кухне, постоянный двор вывешивал целый список блюд с ценами. Грамотные могли читать. Неграмотные — тыкали пальцем и надеялись на удачу.

На стойке лежали плетёные корзинки с необычной выпечкой. Я заинтересовалась, набрала целый пакет, тут же свёрнутый из бумаги. Домой отнесу, заодно присмотрюсь, что за новости такие: тесто из хрустящих слоёв, в сиропе липком, а сверху орешек лежит.

Вышла с другой стороны, чтобы через двор не идти. Свернула в переулочек быстрее пройти, да вышло по-иному.

На сломанном ящике сидел парень. Молодой, хорошо если двадцать есть, плечами — чистый медведь. И росту, наверное, немало. Судить было сложно, потому что сидел он скорчившись и рыдал навзрыд в сложенные ладони (каждая — не меньше хлебного круга).

Я заколебалась. Место глухое, а в кошельке при себе весь остаток денег, мало ли, что... Но парня рыдал так горько, что материнская жалость во мне победила здравомыслие.

— Ну чего ты, эй. — Соседний ящик сгодился под стул. — Помер у тебя кто?

— И да, и нет, — всхлипнул медведь.

— Гм... Болеет, что ли?

— Не болеет, — последовал такой же сопливый и такой же короткий ответ.

Поняв, что для содержательной беседы нужно его сначала успокоить, я зашуршала пакетом, заворковала, словно с Феликсом:

— А что у меня тут есть такое вкусное... Ну-ка, держи. Держи, говорю! Смотрит он... Ешь давай, а не разглядывай.

Медведь послушно откусил, опустил мокрые ресницы. Смешной у него возраст — телом мужик взрослый, а лицом совсем мальчишка. И умишком, обычно, тоже.

— Вкусно? То-то же. Бери ещё, не стесняйся. Тебя как звать-то?

— Нандо, — пробубнил медведь с набитым ртом. — Фернандо, то есть.

— Сначала жуй, потом говори. И что ж у тебя приключилось, Нандо?

А вот, что. Жил-был на свете успешный торговец по имени Венансе, обозы с товарами из города в город водил, пока жена с двумя сыновьями дома сидели и очень им гордились.

А потом взял, да помер. Жена ещё траур снять не успела, а в дом уже ломились кредиторы. Оказалось, что успешным Венансе только на словах был. Не раз и не два прогорал: то с товаром не угадает, то конкуренты заказ перебьют. И чтобы покрыть убыток, брал в долг. Потом ещё раз, у другого ростовщика — чтобы проценты на первый отдать. Драгоценности у жены забрал, мол, почистить надо — и те заложил.

Это Венансе ловко придумал, так вовремя помереть: смерть избавила его от проблем. Зато у семьи грозили отнять дом. Вдова от превратностей судьбы слегла, младший сын ещё в коротких штанишках бегал. Разбираться пришлось старшему.

— Отсрочку нам дали, — хмуро сказал Нандо. — Да только куда ни ткнусь, работники не нужны. Кое-как на постоялый двор взяли, три дня отработал — так свои же под локоть ткнули, чтоб свёрток с вазой выронил. Они из телег под шумок мелочь таскают, а я увидел вчера, небось испугались, что донесу. Теперь и отсюда выгнали, куда ж мне ещё идти...

От расстройства я тоже съела печеньку.

— Вот что, Нандо. Знаешь дорогу от поместья Альваро к реке? Там ещё мост сейчас делают.

— Сам не бывал, слышал.

— Вот будет тебе резон побывать. Не сейчас, конечно. Но если к осени работу не найдёшь, прогуляйся по ней. заметишь указатель к таверне — заходи. Может, найдётся что для тебя. А нет, так хоть накормлю от души.

— Спасибо, донья... Но вам-то зачем?

— Затем, что чудес на всех несправедливо обиженных не хватит. Надо и людям подсобить. — Конечно, он ничего не понял, захлопал глазами. Нет, не медведь, решила я. Щеночек, как есть. — И не донья, а Рита.

Кота моя добыча не впечатлила. Всю обнюхал, в пакет морду сунул — на том и успокоился.

На столе уже лежали записи, которые я сделала в тавернах. В голове мельтешило: столько всего нужно купить, столько всего продумать... Начать решила с простого, в чём без чужой науки разберусь — с кухонной утвари.

Денег у меня оставалось в обрез, а следующего урожая ещё дожждаться надо.

Для зала возьму глубокие миски и ложки, чтобы под любую еду подходило. Большой котёл под супы. По две кастрюли и сковородки. Один противень. Нет, тоже два лучше. Лопатки. Ножи — самое главное, тут экономить нельзя. И брусок точильный. Сито! И для муки нужно, и провололочные: бульоны процеживать, соусы, ягоды протирать.

Половник, конечно. А ещё полотенца, на кухне их всегда мало. Кувшины. И бутыл под масло.

Я думала, что всё записала, но когда поехала за покупками, обнаружила, что напрочь забыла про стаканы. Как это вышло — сама удивляюсь.

От моей тысячи остались грустные восемь реалов. И тогда я сделала то, о чём мечтала с самого начала.

Доски остались от ремонта. По дружбе Руис сколотил из них два полотна, для указателя и вывески, а его прямолинейный товарищ вызвался покрасить — но уже за деньги.

— Чего писать, хозяйка?

Названий я перебрала великое множество. Хотелось, что в него поместилось всё: и уют, и чудо, и частичка меня самой, обещание радости, удовольствия от еды. Конечно, чтобы выглядело современно и звучно. И хоть немного было связано с тем, что ждёт внутри, в отличие от бестий с великанами.

Я смотрела на заходящее солнце над краешком леса, на золотистые блики на речной глади. Представила себя путницей, что весь день скакала без продыху, хочет есть, хочет пить,

хочет посидеть на чём-то, что не норовит поддать тебе под зад — и вдруг увидела указатель. А внутри её ждёт наваристое рагу и слёзы радости от того, как это вкусно.

— «Картофельный рай», — твёрдо сказала я. — Пиши «Картофельный рай».

Глава 7: Счастье пахнет супом

Как же быстро человек привыкает к хорошему! Если бы в первый раз я сняла с куста по пять сочных картофелин в ладонь длиною, я бы отплясывала ничуть не хуже тогдашнего. А теперь — стою над грядкой с картошкой в руке и сварливо думаю: «Пять — это совсем не четырнадцать».

Уж не знаю, в чём тут дело. Может, эта картошка — извращенка и обожает дожди. А может, первый божественный урожай так истощил землю, что сил у неё осталось только на полубожественный.

Как бы там ни было, с делянки набралось 250 кг отличного урожая, и было бы сущей неблагодарностью требовать больше. Да и не от кого.

Цены на картошку достигли потолка к этому моменту. Со дня на день пойдёт молодая — и я успела вскочить в уходящий обоз, пригрозив Джегорию, что продам всё конкуренту, его родному брату. Такого удара, как успешная сделка родственника, он вынести не смог и предложил два с половиной реала за кило.

600 реалов — это совсем не тысяча.

С другой стороны, грандиозные траты остались позади. Мне нужно было составить меню, закупить продукты вдолгую и отложить на ежедневные покупки.

Отличие работы на господской кухне от таверны в том, что я всегда знала, ко сколько подавать обед, кто его будет есть и сколько продуктов нужно взять. Планировать легче лёгкого, а из неожиданностей — только приступы дурного настроения дона Альваро.

Таверна же была совершенно иным делом.

Я просмотрела длиннющий список блюд, который писала уже две недели и принялась вычёркивать.

Мне нужны только те, что можно заготовить впрок и разогревать или доделывать без потери вкуса (список сократился вдвое) или же готовить очень быстро, из-под ножа.

Мне вспомнилась чернобровая веселушка из «Удалого молодца». Надо знать, кому готовишь, говорила она.

Путники — дело десятое. У тех, кто по этой дороге едет, выбор ограничен: либо заходи, либо шатайся по лесу в поисках грибов и рассерженных конкуренцией медведей. Не угадаешь, откуда едут и сколько их будет.

Другое дело — местные. Деревенские и работники поместий. Знаю их как облупленных. Артишоки с трюфелями им не по карману, а мелкие порции только разозлят. Видела в городе баловство, «дамское меню» называется: посуда как игрушечная, стаканчики с напёрсток. Уж не знаю, какого размера сама дама быть должна, чтобы этим успокоиться, с пальчик, наверное.

Работающая женщина — она день-деньской в делах, сил тратит много и хочет в конце дня нормально поесть. Это доньи из поместий могут бульоном, да печёным яблочком удовлетвориться. Деревенская тоже не откажется, конечно, смолотит за милую душу. А потом спросит: скоро ль еда после этой закуски будет?

Еда в моей таверне должна быть сытной. А ещё простой и понятной, чтобы народ не робел, не зная, с какого бока эту ерундовину укусить — и не укусит ли она в ответ. Словом, как дома. Только быстрее, всегда вкусно и никто не орёт, что ложку неправильно держишь.

Подумав, я добавила ещё один важный пункт: еда должна хорошо сочетаться с элем. Как схолодает, добавлю подогретое вино с пряностями, на начало осени — морсик какой придумаю. Но без эля сюда деревенских и силком не затащишь. Главное, за бесценку не наливать, не то приманю красноносых завсегдатаев трактира. Краткого знакомства хватило, чтобы понять: у нас слишком разный взгляд на жизнь и личную гигиену.

Тут прибежал кот, проверить, не ем ли я чего тайком от него. Вспрыгнул на коленки, улёгся меховой грелкой. Почёсывая между ушами, я вывела на листе крупно СУП и подчеркнула.

Делать только один — самой скучно. Я придумала так: буду чередовать супы дня. Возьму три самых удачных, что все любят: картофельный, гуляш, да куриную лапшу.

Для правильного гуляша нужен бульон от рульки. Получается, в этот день сразу и второе блюдо есть — сама рулька. Обмазать, подпечь. И кислую капусту к ней. Тогда и пирог можно вписать, чтобы бульон отдельно не держать для него.

В лапшичный день я решила радовать людей картошкой с грибами, хрустящей и золотистой. А с картофельным супом пускай идёт запечённая целиком курица на картофельных кругляшах — готовить долго, но она и холодной вкусная, если правильно сделать.

Нужно было дополнить эти два дня чем-то вместо пирога. Тут на помощь пришла моя книжечка с особыми рецептами. Ох и хороши будут лепёшки, нежные, тонкие, любую мягкую начинку клади — едоков за уши не оттащишь.

А когда все наелись, но эль ещё в кружке плещется и беседа идёт, нужно предложить, что погрызть. Скажем, печенье картофельное, слоистое и хрустящее. Лучка жареного в тесто добавить — просто песня.

Конечно, ещё нужно блюд без особой готовки добавить: омлеты с яичницами, отбивные, колбасы и окорок копчёный, сыру, огурцов в маринаде, гренок.

И хлеб. Свежий и ароматный, сожмёшь — захрустит, а внутри мягкий и пористый. Без куска такого хлеба гуляш не едят — особое удовольствие это, последнее с тарелки собрать.

Мы с Феликсом просмотрели меню. Уж не знаю, какие соображения на этот счёт были у кота, но мне понравилось до ужаса.

Еда — это не просто дровишки, чтобы ещё день продержаться, это гораздо больше. Утешение, радость, напоминание. Тёплые объятия в холодный день и возможность перевести дух. Вот замотался ты за день, устал, как собака, ещё и ветер в лицо дождём швыряет. А съешь горячей душистой похлёбки, закусишь лепёшкой с румяным бочком — и сразу жить легче.

Погреб я забила — любо-дорого посмотреть. Иной день по десять раз вниз спускалась, поглядеть на цепочки пухлых колбасок и окорок на крюке, отрез бекона, на круги твёрдого сыра и бадейку с шариками рассольного. Одного кристалла хватило, чтобы хорошенько проморозить нишу — даже алхимический огонь её не нагрел (разумеется я проверила, за кого вы меня держите?). Любую жару выдержит.

Мука заполнила ларь, пузатые бочонки эля и ящики с живой зеленью придали кухне обжитой вид.

Молоко, масло, кур и яйца я хотела брать самые свежие и лучшие, а потому решила походить по деревне, поспрашивать.

— На что тебе столько? — спросила Аранья из-за забора. Он ей не особенно мешал, тётка на добрую голову была выше. На фоне квохтали знаменитые несušки, чьи яйца были почти так же примечательны, как моя картошка. — Опять помер кто?

— Лучше! Таверна у меня, в конце недели уже двери открою, — гордо ответила я. — Деловое предложение есть, взаимовыгодное. Зачем тебе лишнее на торг таскать, в даль такую? А до меня рукой подать, треть дороги до поместья Альваро. Оплатой не обижу, так ещё хвастаться сможешь — мол, на моих яйцах-то заказ ваш.

Я знала, что деньгами Аранчу не соблазнить, и так едва ли не богаче всех в деревне живёт. А вот гордость затронуть, дать повод лишний раз напомнить, какие у неё куры замечательные — она против этого как Феликс против сметаны. Без шансов на сопротивление.

Пока я искала, с кем бы договориться на самое жирное и вкусное масло, забрела в соседнюю деревню. Тут не очень-то далеко — всего-то рощицу перейти.

Вроде и рядом, а живут потише, всеми на одного батрачат. Инму из первого дома я немного знала, решила зайти и потолковать с ней, стоит ли масло с фермы брать.

Двор стоял пустым, но в открытое окно доносились весёлые женские голоса. Ну, думаю, повезло — сейчас ещё и подружку её на открытие зазову. Стукнула в дверной косяк предупредительно, зашла. Хозяйка высунулась с кухни, удивилась:

— Здравствуй. Да заходи, заходи, чего на пороге стоять? — замахала она. Скрылась в глубине дома, крикнула оттуда: — Мы как раз печь собрались, может, подскажешь чего?

— А ты масло какое берёшь, с фермы? — начала я и замерла.

В опрятной кухоньке сидела Карла: волосы назад зализала, телеса в корсет из чёрного атласа затянула. Чисто гадюка на пеньке. Она так и прикипела ко мне взглядом.

— Ты! — выпалила я. — Ты что тут делаешь?

Следом зашла Инма, не дала кошачьей драке случиться.

— Знакомься, — сказала, — сестра моя младшенькая, Карлой звать.

— Да мы знакомы, — протянула я. — Даже лучше, чем хотелось бы.

— Ой, а я как раз тебя недавно вспоминала, прощбетала Карла. — Мы все так ужасно скучаем.

И куда только делась та вертихвостка, что нос перед всеми задирала! Сидит, ручки сложила, ресничками хлопает — праведностью за километр несёт. Видать, перед сестрой норов не показывает.

Стоять рядом с ней мне было не легче, чем голыми ногами в крапиву влезть.

— Так что про масло скажешь?

— Масло как масло, — хозяйка пожала плечами. — Оно что, разное бывает?

Я бы могла пару вечеров её развлекать описанием того, насколько разное, но не стала.

— Радость у нас, — тут же поделилась Инма, припыляя стол мукой, — Карлита наша у дона Альваро в поместье трудится, сегодня вот за большие заслуги старшей кухаркой назначили. Её бы и раньше повысили, да какая-то старая гримза вперёд вылезла, всё козни строила против неё из зависти, ещё и воровка, представляешь?! Драгоценности хозяйские стянула. Хорошо, дон Альваро человек справедливый, выгнал эту дрянь и Карлиту по достоинству оценил.

Удивительно, что я зуб не сломала. Скрипнуло так, что Инма от теста оторвалась, оглянулась в поисках звука.

— Соболезную всем причастным.

— Ну а ты как живёшь? — быстро залопотала Карла. Она от испуга аж глазом косить начала, почуяла, говнюшка, что жареным пахнет.

— Да вот, таверну свою открываю. Не вышло у тебя подгадить мне, получается. Так старалась — а я только лучше зажила.

— Рита, — наконец спохватилась старшая, — ты что говоришь такое?

Я энергично поклонилась:

— Позвольте представиться, старая гримза. Твоя золотая девочка меня подставила и сидит довольная, родной сестре брешет и не краснеет.

Карла вскочила:

— Врёшь!

— Сама врёшь!

Ну, это уже ни на что не похоже. Кроме собачьей свары, разве что: лай до небес и каждая норовит другую цапнуть.

— Как там дон Альваро поживает, ещё не слёг от твоей стряпни? Или ты чужую готовку за свою выдаёшь?

Должно быть, в точку попала. Потому что Карла бешено взвизгнула и с пеной у рта заорала:

— Ничего у тебя не получится! Неудачница! Растяпа! Жирная дура! Никто к тебе даже не придёт! Всегда мне завидовала!

— Да чему там завидовать? — поразилась я. — Что ты врёшь чаще, чем дышишь?

— Что я молодая, а ты нет! В могилу уже сляжешь скоро! Вот и отползи в сторону, не мешай, только на посмешище себя вставляешь, — зашипела она, как вода на сковородке. — Какая тебе таверна, тебе на гроб копить надо! День-деньской только про тебя и слушаю: ой, Рита так говорила, ой, Рита эдак делала. Тьфу! Уже выперли тебя, а всё никак не избавлюсь, тараканиха!

Инма (ровесница моя, к слову) изумлённо хлопала глазами.

После «тараканихи» я как-то резко остыла, смех разобрал. А веселье так плохо вяжется с руганью, что оставалось только выбрать что-то одно. Я похлопала Карлу по плечу, заботливо посоветовала:

— Ты когда стряпать будешь, лучше держи рот закрытым. Ненароком яда накапает, всё поместье потравится. — И на этой ноте покинула дом.

А масло хорошее оказалось. Буду брать.

Утро открытия выдалось свежим и ясным. Встала пораньше, воды натаскала под птичьи трели, проверила указатель и тропинку к нему.

Феликс, который всю ночь шебуршал по кустам вокруг дома, явился на запахи из открытого окна. Мягко вспрыгнул на подоконник, улёгся кошачьей буханкой, мол, ничего интересного тут не происходит, одна суета. А сам всё поглядывает — не дадут ли кусочек?

Кусочек дали. В картофельный суп отлично идёт поджаренный бекон или окорок, последний я как раз и нарезала. На сковороде шкворчала за жарка из овощей, разнося аромат по всему лесу. И несложная штука, но и здесь своя хитрость есть — чтобы не подгорало, сперва морковь обжарь, а потом уже лук клади. А позже, когда всё уже разлито по тарелкам, положи сверху немного сливочного масла. Оно вмиг растает от жара и передаст свою сливочную мягкость супу.

Очередная почищенная картофелина булькнула в ведро. Грибы и сладковатые луковицы наготове. Мука и кефир для лепёшек, творог для начинки, в который я позже добавлю желток. Под салфетками дожидались заготовки на хлеб, а на противнях уже подрумянивалось печенье.

Отвлекаться от готовки я не люблю. Потому сперва убрала суп с плиты, попробовала — и только тогда вышла в зал.

В солнечном свете он казался таким уютным, что самой захотелось посидеть за столом. Никакого страха я не почувствовала, когда скинула крючок запора с двери. Только решимость накормить посетителей сегодня так, чтобы они вернулись завтра.

— «Картофельный рай» открыт, — сказала я и распахнула дверь.

Глава 8: Один в поле не повар

Всё это было одно притворство, я никого не ждала так рано. Но во дворе уже околачивался круглобокий бородач — Паска, наш сосед-гончар. Он бросил колупать краску на колодезном вороте и просиял:

— Я уж думал, умру с голоду! Из окна так и пахнет, извёлся весь.

Последний раз я выходила минут семь назад, так что он несколько драматизировал.

Трудно передать, что это за чувство такое — первый настоящий посетитель. Вот он идёт по моему полу (каждая досочка оплачена), вот лезет сесть на лавку (отмытую почти до скрипа), вот бьётся ногой об угол стола (до чего же красивый древесный узор на крышке). Сочную брань Паски я слушала с умилением, как мамка — первое слово дитяти.

Пока я разливала суп, дверь снова хлопнула. Зал наполнился топотом и голосами, сразу ожил.

— Корми, хозяйка! До заката сегодня работать, набей-ка нам брюхо как следует. — Руис с довольным видом уселся за стол.

А с ним — вся артель...

Два стола оказались заняты горлопанистыми мужиками. И каждый хотел что-то своё — кому суп, кому яиц поджарить (я не буду приводить шутку, которая за этим последовала), кому гренки с сыром, кому отбивную с капустой. Догадалась сбегать за карандашиком и листком.

Плита разогрелась мгновенно, спасибо достижениям современной алхимии. Зашкварчало масло на сковородах, хрупнула скорлупа. Пока одно готовилось, я носила в зал тарелки, по две за раз. И каждый раз притаскивала с собой новый заказ — чужая еда пробуждала зависть и аппетит.

Одной рукой мясо переворачиваю, другой — яйца накладываю, да ещё ногой ведро двигаю, чтобы грязное сразу на мытьё отложить. Ничто не должно мешать в кухне, запачкалось — убери.

Ещё не все артельщики еду получили, как уже пришёл кто-то. Я выглянула — незнакомый господин в шляпе. Сапоги пылью обмётаны, на плечах плащ дорожный.

Он заметил меня, подозвал:

— Нет ли чего в дорогу снарядить? Чтоб назавтра съедобно было.

— Есть, как не быть. Лепёшки, с пылу с жару — объединение, и холодными вкусны. С картошкой, да с творогом.

— Давайте, — решил он. — Штук по десять мне соберите и тех, и других. Только поскорее, а то телегу с зерном без присмотра на дороге бросил, к вам и не подъедешь.

Чего мне делать ещё не приходилось — так это готовить в спешке. Кухня степенность любит, размеренность, чтобы всё своим чередом шло. А тут — замесила, накрошила, завернула, раз-раз-раз. И не забудь, что у тебя картошка на сковороде жарится!

А дверь всё хлопает. Новые люди заходят, старые — ждут свой заказ. Мне кажется, что прошла секунда, а они уже негодуют: «Да когда уже? Никак Рита грибы выращивает?»

Я так замоталась, что едва муку в кефир не насыпала. Тьфу ты! Наоборот надо, чтобы тесто муки не перебрало, осталось мягким-мягким. Тогда и лепёшки выйдут сказочной нежности.

От жара раскалился воздух в кухне, даже окно не спасало. Одну лепёшку сделать — быстро. Но двадцать раз пальцами растянуть, начинку выложить, в шар собрать, опять растянуть... И всухую поджарить с двух сторон мало. Я делаю так, как в наших краях никто не делал, узнала от заезжей горянки способ: готовую лепёшку в кипятком макнуть, а потом уже растопленным маслом смазать. И такая мягкость, такое объединение выйдет, что забыть не сможешь.

Спешила я, как могла, старалась, а в итоге мужик с таким недовольным лицом забрал стопку горячих лепёшек, что обидно стало. Хоть бы попробовал! Сразу настроение изменится.

— Самому испечь быстрее, — проворчал он и сунул деньги.

Хорошо хоть артельщики меня не донимали, компанией им и так весело было. Кому ещё не принесли — всё пытались из чужой тарелки цапнуть, чем только добавляли себе веселья. Я быстренько дорезала окорок, грибки поджарила, отнесла. Вроде всё пока: едят, языками чешут, Паску за свой стол переманили. Никто не в обиде.

Только время перевести дух появилось, как пожаловала Елена со всем семейством, я даже испарину со лба вытереть не успела. Теперь и третий стол целиком занят. София тихо присела в уголке, но младшим детям сидеть скучно, раскатились, как горох. Один сунулся Феликса гладить, кот оскорблённо дёрнул хвостом и удрал ко мне в кухню. Двое возню прямо на проходе устроили, чуть с ног не сбили, когда суп несла.

Стук тарелок вышел довольно нервным.

— Ой, красота какая, а пахнет... — засуетилась Елена, глядя на меня. — А знаешь, гулять — так гулять. Давай ещё печенья для моих оглоедов, хоть посидят спокойно.

Печенье расходилось быстрее, чем я думала, артельщикам под холодный эль уж больно понравилось. Нужно было ещё пару противней сделать, да когда! Не успела заказ отдать — дверь опять нараспашку, целая ватага завалилась.

— Красавица! — улыбнулся лохматый предводитель. — Нацеди питья повкуснее, ребятам моим горло промочить.

— А мне печеньица ещё поставь!

— Ритита, поросёнок мой тарелку опрокинул, дай вытереть чем.

— Не пойму, что за мясо такое? Вроде свинина, а мягкое. Эй, хозяйка, чего за зверь?

— Добавки!

— Возьмите деньги, нас четверо, но трём эль, одному вина, нет, двум эль... А, ты тоже будешь? Тогда трём. А на сдачу греночек, как у него в тарелке. Или лучше лепёшку взять? Наверное, лепёшку. А с чем есть? Нет, погодите... Мы потом скажем.

— А чем пахнет?

— Хозяйка, горит чего-то!

Я влетела в кухню, сдёрнула с плиты сковородку с чающим маслом. Руки дрожали, как в лихорадке, не знали, за что хвататься: одно сделай, другое, пятое, десятое. В ведре уже места нет для посуды, нож куда-то запропастился, погреб стоит открытый, печенье сохнет на противне. Я только на секундочку прижалась лбом к прохладной стене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.